

Recensiones

Рецензии

ББК 63.3(0=Словак)4; УДК 94(437.6)

Д. Е. Алимов

«ПОНЯТЬ МОРАВИЮ»: НОВАЯ ПОПЫТКА

Lysý, Miroslav. Moravia, Mojmirovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciam a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku. — Bratislava: Atticum, 2014. — 374 s. — ISBN 978-80-971381-4-1

Монография молодого словацкого историка Мирослава Лысого «Мораване, Моймировичи и Франкская империя» с хорошо отражающим тематику книги подзаголовком «Исследование этногенеза, политических институтов и устройства управления на землях Словакии в раннее Средневековье» принадлежит к разряду работ, основное внимание в которых уделяется методологическим вопросам. Не будучи выделенной в особый раздел, методологическая проблематика буквально заполняет собой весь объем книги, что делает ее чтение довольно напряженным занятием. Такого нестандартного подхода потребовала от автора основная задача, которую он перед собой поставил, — выявить смысл важнейших социальных процессов, происходивших в Среднем Подунавье в эпоху зарождения и развития Великоморавской державы.

© Д. Е. Алимов, 2015

Грандиозность задачи может сперва смутить посвященного читателя, знакомого с современной историографической ситуацией: уж не покушается ли автор на попытку нового синтеза моравской социальной истории, который при нынешнем состоянии исследований может показаться весьма рискованным предприятием? Появление подобного синтеза в ближайшие годы может показаться трудноосуществимым, прежде всего ввиду элементарного отсутствия в историографии консенсуса по ключевым вопросам древнейшего этапа славянского социального развития. В то время как, например, одни авторы, вооружившись теоретическим аппаратом политической антропологии, повсеместно отыскивают в славянском мире такие формы организации как вождества, другие видят выход в распространении на славянский материал концептуальных наработок немецких и австрийских медиевистов о специфике раннесредневековых форм «господства» (*Herrschaft*), третьи интерпретируют раннеславянскую «цивилизацию» через реконструкцию сакральных принципов организации (социального) пространства, уходящих корнями в индоевропейскую древность. И этот перечень почти не пересекающихся друг с другом исследовательских позиций можно продолжить. Лично нам основной причиной такой ситуации видится недостаток диалога между представителями различных теоретических подходов в интерпретации раннеславянского социума и его путей к государственности.

Думается, однако, что словацкому исследователю удалось найти свою «золотую середину». Его подход к теме характеризуется, прежде всего, повышенным вниманием к аутентичной терминологии источников, анализу которой уделено в тексте немало страниц, а также глубоким проникновением в суть предшествующих историографических попыток «понять Моравию» с максимальным учетом их внутренней логики, мировоззренческого «бэкграунда» и общественно-политических импликаций. При том, что во всем этом легко усмотреть и традиционные черты центральноевропейской медиевистики, и новые веяния постмодерна, автор не формулирует никакого методологического «*credo*», вследствие чего его довольно трудно упрекнуть в методологической заданности. Возможно, что именно такой, предельно открытый взгляд на проблему является наиболее востребованным на нынешнем методологическом перепутье.

1. «ПЛЕМЯ»

Первая глава книги носит лаконичное название «Gens». Судя по частоте использования данного слова в современной медиевистике, похоже, что именно этому латинскому термину суждено заменить широко использовавшиеся прежде, но ныне основательно дискредитированные применительно к раннему Средневековью понятия «племя» и «этнос». Чтение книги словацкого историка убеждает в этом в очередной раз. Отдав дань проблеме расселения славян, где автор выступил своего рода арбитром в спорах автохтонистов, миграционистов и сторонников постепенной инфильтрации славян в земли Подунавья, Лысый непосредственно переходит к проблематике этничности. Свой путь к осмыслению этнополитической общности, которая в прежней историографической традиции обычно именовалась племенем

мораван, исследователь прокладывает постепенно, начав со внимательного рассмотрения этнических категорий, которыми оперировали раннесредневековые авторы — от Исидора Севильского до летописцев эпохи Каролингов.

О том, что термин «племя» не разъясняет, а скорее затуманивает картину раннесредневековой этничности, в последнее время говорилось много и часто. Тем более важно в этой ситуации проследить историографический генезис племенной концепции, выявив его глубинные мировоззренческие координаты. Именно этим и занимается автор, совершая плавный переход от анализа средневековых понятий «*gens*» и «*natio*» к рассмотрению концепта «племени», утвердившегося спустя много веков в позитивистской историографии. Автор прекрасно демонстрирует, как эпоха романтического национализма, где слово «племя» стало излюбленным обозначением народа в том метафизическом значении, какое придавал ему, в частности, Иоганн-Готфрид Гердер, создала условия для интериоризации в исторической науке представления о естественно произрастающем и постепенно ветвящемся племенном древе. Эволюционистское представление о естественном характере племенного развития, как далее показывает автор, в XX в. не только не угасло, но и успешно переключалось в марксистскую историографию. Особое внимание в этой связи уделяет Лысый критическому разбору влиятельной в свое время в социалистической Чехословакии племенной концепции чешского историка Вацлава Ванечека, согласно которой чешские племена возникли на основе градских общин, которые, в свою очередь, сложились в результате разложения родовых связей. Как замечает автор, в словацкой историографии аналогичную роль сыграл Петер Раткош, в чьих работах, как и в схеме Ванечека, племена представляли территориально оформленными социальными организмами, то есть по сути не рассматривались как этнические единицы.

Отмечая, что отказ от концепции так называемых «неэтнических племен» произошел в центральноевропейской историографии, главным образом, под влиянием немецкого ученого Райнхарда Венкуса, чья книга о формировании германских «*gentes*» стала поворотным пунктом в исследовании раннесредневековой этничности¹, Лысый напоминает нам, что в чехословацкой науке этот поворот был связан, прежде всего, с работами чешских медиевистов Франтишка Грауса и Душана Тржешика. Между тем, наступивший после 1989 г. мировоззренческий плюрализм, сопровождавшийся если не политически необходимым, то социально востребованным в условиях нового «национального возрождения» обретением древних этнических предков, не характеризовался методологической строгостью. Автор констатирует наличие в постсоциалистической словацкой историографии сильной тенденции к примордиалистскому пониманию этнической истории, выразившейся в пресловутых поисках словаков в раннем Средневековье. Разумеется, данная ситуация совсем не является характерной чертой словацкой историографии, будучи типичной для многих стран Европы в период краха коммунистической идеологии. Среди историков, начавших в словацкой науке поворот в сторону интерпретации

¹ *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.*

племени как этнополитической единицы в духе Венкуса и Тржештика, автор особенно выделяет Яна Штайнхубеля, автора фундаментальной монографии о Нитранском княжестве².

Определив, таким образом, свои методологические предпочтения, тесно связанные с теорией этногенеза Венкуса и так называемой «Венской школой», автор обращается к проблеме раннего славянского этноса, традиционная интерпретация которого как общности, возникшей на основе общего языка и культуры, была в последнее время основательно поколеблена американским ученым Флорином Куртой³. Заметим, что концепция Курты, как минимум ставящая под сомнение существование славянской этничности в VI–VII вв. и рассматривающая упоминаемый в это время «народ склавинов» как интеллектуальный конструкт, созданный византийскими авторами для описания социальной динамики на дунайском лимесе империи, с трудом находит себе дорогу в славянском академическом сообществе, о чем хорошо свидетельствуют материалы дискуссий, прошедших в недавнее время в России и Чехии⁴. Не исключением стал и автор рецензируемой книги, который выдвигает свои аргументы против концепции американского ученого. Так, Лысому, как и многим критикам Курты, остается непонятным, как в случае конструирования славянской этничности византийскими авторами происходило превращение всех тех, кого византийцы стали называть «склавинами», в отдельный этнос, то есть в сообщество людей, обладавших общим самосознанием и верой в общее происхождение. Относительное единообразие культурного габитуса популяций, именуемых в источниках «склавинами», также кажется исследователю несовместимым с процессом постепенной трансформации гетерогенных элементов в славян под влиянием соответствующего византийского дискурса. Особое же значение придает словацкий автор славянским мифам о происхождении: известию о спорах — загадочных предках склавинов и антов — в сочинении Прокопия Кесарийского, сообщению о стране «*Zeriuani*», откуда вышли все славянские народы, в «Баварском географе», а также рассказу о славянском царе Маджаке у ал-Масуди — все они, по мнению Лысого, свидетельствуют об очень давнем осознании славянами своего этнического единства.

Приверженность автора книги объяснительным схемам Венской школы хорошо видна в разделе, рассматривающем отношения славян и аваров. Подобно Вальтеру Полю, Лысый иллюстрирует свои рассуждения о роли аварских воинских элит в этногенетических процессах историей болгарского вождя Кувера, возглавившего новый гетерогенный «народ», отделившийся от авар, как о том сообщают «Чудеса св. Дмитрия Солунского». Аналогичными по своему характеру проявлениями вызванной аварами большой «этногенетической волны» в славянском мире автор считает описанное Псевдо-Фредегаром восстание «сыновей гуннов»,

² *Steinhübel J.* Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášeho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia. Bratislava, 2004.

³ *Curta F.* The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, с. 500–700. Cambridge; New York, 2001.

⁴ См.: SSBP. 2008. № 2 (4). С. 3–172; AR. 2009. Vol. LXI. S. 303–349, 725–754.

возглавленное франкским купцом Само, а также появление в Далмации «народа» хорватов. Однако, интерпретируя подобным образом славяно-аварские отношения, автор все же далек от того, чтобы объяснить с помощью этногенетической модели Венкуса возникновение самого славянского «племени» — *gens Sclavorum*, как это в свое время сделал словацкий историк Мартин Хомза⁵. Позиция Лысого более консервативна: представление о «надплеменной» славянской этничности, базировавшейся на языке и религии, совсем не кажется ему устаревшим.

Отсюда следует, что в качестве «gens», то есть этнополитической единицы, Лысый рассматривает не славян, а мораван. Этнические и политические параметры моравской общности подробно разбираются автором во второй главе, носящей название «*Gens и regnum*». Основной вывод, который делается исследователем на основе рассмотрения известий источников о мораванах и славянах, заключается в том, что в IX в. существовали гентильная моравская идентичность и культурная славянская, причем последняя развилась в Моравии под непосредственным воздействием кирилло-мефодиевской миссии. То, что идея славянского этноса в том виде, в каком она предстает в известных пассажах из Паннонских житий свв. Кирилла и Мефодия, до некоторой степени может считаться успешно реализованным проектом миссии солунских братьев⁶, не вызывает возражений. Камнем преткновения, однако, остается характер данной идентичности в эпоху, предшествовавшую деятельности Кирилла и Мефодия. О том, что мы едва ли преувеличиваем, характеризуя ситуацию подобным образом, свидетельствует следующая, рассматриваемая словацким исследователем, проблема — соотношение моравского «племени» (*gens*) и так называемого Нитранского княжества, для анализа которой автор выделил специальный параграф под красноречивым названием «Сколько *gentes*?». В начале обсуждения данной темы автор справедливо указывает на беспочвенность распространившегося в словацкой историографии под влиянием схемы Ванечека представления о том, что и Моравию, и Нитранскую землю (слов. *Nitriansko*) первоначально населяли по несколько «племен». Однако, отрицая данную схему, историк все же задается вопросом: кем был Прибина, имевший, согласно известному зальцбургскому трактату «Обращение баваров и карантанцев» (870/871 г.), «владение» (*proprietas*) в Нитре, но изгнанный оттуда моравским князем Моймиром около 833 г.?

Как известно, в историографии на сей счет существуют два основных взгляда. Согласно одной точке зрения, широко представленной в словацкой историографии, Прибина был племенным (или даже «надплеменным») правителем особого политического организма — Нитранского княжества, которое, даже покорившись моравскому правителю, сохранило в составе Моравии свою политическую индивидуальность. Последнее утверждение основывается на отождествлении Нитранской земли с упоминаемым в тексте Фульдских анналов «королевством

⁵ Homza M. Niekoľko téz k počiatkom slovenského etnika // SAS. 2002. Vol. 31. S. 285–295.

⁶ Ср., например, суждения Хомзы (Ibid.) и Д. И. Польшанного (Польшаннин Д. И. Славяне и болгары в восточноримском имперском пространстве: проблемы различия // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 59–63).

Святополка» (*regnum Zuentibaldi*), племянника моравского князя Ростислава, ставшего впоследствии правителем всей Моравии. Однако то обстоятельство, что в упомянутом зальцбургском трактате говорится о конфликте Моймира с Прибиной, а не с некой этнополитической общностью, создавало благоприятную почву для появления в историографии иной интерпретации, согласно которой Прибина был членом моравского княжеского рода или, по крайней мере, был изначально связан с моравской политической структурой.

Тщательно разобрав историографию вопроса, Лысый признает неудовлетворительную аргументацию обеих сторон. И хотя автор в конечном итоге склоняется к признанию за Прибиной статуса племенного (гентильного) князя, он не считает, что разная религиозная принадлежность христианина Моймира и язычника Прибины, на которую в свое время ссылался Матуш Кучера, или концептуализированная Штайнхубелем разница в церковной юрисдикции Моравского княжества, относившегося к диоцезу Пассау, и Нитранской земли, подпадавшей под церковную власть Зальцбурга, являются достаточными аргументами в пользу данного мнения. Гораздо более важным аргументом в пользу отсутствия родственной связи Прибины с Моймировичами является, по мнению Лысого, не востребованность бывшего нитранского правителя, ставшего в конечном итоге франкским графом в Паннонии, в качестве возможного претендента на моравский престол, когда в зависимой от франков Моравии решался вопрос о престолонаследии. Решающим же обстоятельством, побудившим автора приписать Прибине совершенно самостоятельный (по отношению к Моравии) статус, является известие о крещении в 831 г. пассауским епископом Регинхаром «всех мораван». Эта фраза, по мнению исследователя, просто-напросто исключает отнесение к мораванам жителей Нитранской земли, подчиненной Моймиром несколькими годами позднее. Итак, заключает автор, Прибина не был моравином.

Вполне логичный вывод исследователя, что Прибина был самостоятельной фигурой, однако, не означает автоматически, что Прибина был именно «племенным», то есть гентильным, князем. Словацкий историк, естественно, не может этого не заметить, вследствие чего пускается в весьма показательное рассуждение о том, как же все-таки обстояло дело. Честно признавая, что нам неизвестно ни одного племенного названия, которое хотя бы гипотетически можно было привязать к территории Словакии, и справедливо отказываясь считать таким племенем загадочных преденецентов, живших далеко к югу от Нитры — в Банате, исследователь, вместе с тем, беспрекословно соглашается с Тржештиком, что без названия племя существовать не могло. Казалось бы, это рассуждение, тем более понятое как своего рода аксиома, должно было привести автора к выводу, что никакого племени в Нитранской земле и не было. Между тем, мысль исследователя следует совсем в другом направлении: «Быть может, однако, мы можем удовлетвориться тем, что такое неизвестное по имени племя в Словакии, действительно, было, и если даже ближе расположенные к франкам мораване появились в источниках относительно поздно (822 год), то название более удаленной *gens* на территории Словакии вовсе не сохранилось» (с. 94). Утрату племенного названия автор

связывает с последствиями экспансии Моймира и включением Нитранской земли в состав Моравии. Что же касается названия «славяне», которым, по мнению ряда историков, могли именоваться жители Нитранской земли, то, по мнению Лысого, это была «надплеменная», культурная, идентичность, а потому в качестве «племенной» она выступить не могла.

Что же вселяет в автора уверенность в том, что в Нитранской земле существовало племя, помимо истории с Прибиной? Безусловно, это известие Петиции баварских епископов папе Иоанну IX, относящейся к 900 г. В ней епископы, протестуя против церковной реорганизации Пассауского диоцеза, обращают внимание папы Иоанна IX на то, что папа Иоанн VIII, посвятив в 880 г. Вихинга в епископы Нитры, направил его не на территорию Пассауского диоцеза, а к «некому новообращенному народу» (*in quandam neophitam gentem*), который Святополк подчинил войной и обратил из язычества в христианство⁷. Данное свидетельство неоднократно подвергалось анализу в историографии в связи с противоречивостью изложенной в нем информации, а именно — в связи с трудностью согласовать факт назначения Вихинга епископом Нитры с информацией о подчинении Святополком некоего языческого народа, ведь Нитранская земля была присоединена к Моравии задолго до Святополка, при Моймире, и, несомненно, была хорошо знакома с христианством. В связи с этим в историографии, помимо отождествления «новообращенного народа» с жителями Нитранской земли, высказывались и другие мнения. Предполагалось, в частности, что здесь могли подразумеваться славяне Потисья, занятого Святополком в ходе войны с Болгарией между 880 и 882 гг., либо какое-то неизвестное «племя», будто бы проживавшее в восточной Словакии, или даже польские висляне, чей правитель, как явствует из Паннонского жития св. Мефодия, действительно, был вынужден покориться Святополку и принять христианство.

Подвергая свидетельство петиции подробному анализу, Лысый дает свою собственную интерпретацию данного известия, которая заметно отличается от высказывавшихся в историографии прежде. В прежней историографии господствовало убеждение в том, что в петиции речь шла о церковной юрисдикции в Моравии. Именно против нее, как считалось, протестовали епископы, так как исторически это были земли Пассауского диоцеза. Согласно же Лысому, епископы протестовали лишь против факта назначения Вихинга на кафедру в Пассау, вследствие чего проблема, где именно в Моравии, то есть на территории прежнего Пассауского диоцеза, находилось его прежнее место пастырского служения, был для них не очень важен: существенным было лишь то, что собственно пассауским епископом Вихинг тогда не являлся. Таким образом, исходя из того, что епископов мало волновала ситуация в Моравии, мы, по мнению автора, не можем быть уверены в том, что в сюжете с «новообращенным народом» речь обязательно должна была идти о территории, завоеванной Святополком после заключения в 874 г. Форххаймского мира. Речь могла идти и о периоде власти Святополка в Нитранском уделе до 871 г., причем

⁷ «Antecessor vester Zuentibaldo duce impetrante Vuichingum consecravit episcopum et nequaquam in illum antiquum Patauiensem episcopatum eum transmisit, sed in quandam neophitam gentem, quam ipse dux bello domuit et ex paganis christianos esse patavit» (MMFH. Vol. III. P. 235).

слова о «новообращенном народе» в этом случае могут даже служить дополнительным подтверждением того, что Нитранской земле соответствовала отдельная от мораван этнополитическая общность (*gens*).

Не вдаваясь сейчас в оценку предложенной словацким исследователем интерпретации протеста баварских епископов, отметим лишь то, что, на наш взгляд, она несколько не усиливает тезис о «племени». По сути, автор в своих выкладках возвращается к высказывавшемуся ранее в историографии мнению, что на избранную в петиции формулировку повлияло то обстоятельство, что Святополк правил в Нитре, еще будучи «удельным князем». Но почему же тогда авторы петиции не упоминают названия этого таинственного нитранского «племени»? В свое время Тржештик писал по этому поводу: «...либо *regnum* Святополка не являлось землей никакой *gens* и баварские епископы в 900 г. ошибались, либо имя это было забыто, так как после 30-х годов IX в. оно было уже (как имя) неактуальным»⁸. Кажется, что словацкий автор готов выбрать именно второй вариант. Но насколько весомы аргументы, чтобы признать правоту или, по крайней мере, предпочтительность такого выбора? Нам представляется, что их явно недостаточно.

На наш взгляд, отсутствие «племенного» названия у жителей Нитранской земли следует связывать не с утратой памяти о нем, а с особенностями «этногенеза» на пространстве бывшего Аварского каганата. Если вынести за скобки Паннонское «княжество» Прибины и Коцела, где по определению не могло сложиться никакого «племени», так как данная политико-административная единица была создана «сверху» — франками, то как минимум заслуживает внимания отсутствие своего «племенного» названия в так называемом Посавском княжестве, существовавшем в южной части Паннонии, и так же, как и Нитранская земля, возникшем в результате дезинтеграции Аварского каганата. Людевит, Ратимир и Браслав, правившие в этом регионе в разные периоды IX столетия⁹, выступают во франкских источниках исключительно как территориальные правители, не имевшие никакой гентильной легитимации. Не стоит ли на этом основании заключить, что в рамках политических организмов, возникших на развалинах Аварского каганата, в отличие от населенных славянами районов к северу, югу и востоку от Карпатской котловины стабильные, обладавшие самоназванием, «племенные» общности просто отсутствовали?¹⁰

Сомнительность тезиса о забытом «племени» хорошо видна и на фоне последующего раздела второй главы, где автор разбирает сюжет о восстании, поднятом в Моравии после ареста франками Святополка, и избрании Славомира правителем Моравии. Полемизируя с теми авторами, которые распространяют восстание

⁸ *Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. Praha, 2001. S. 131–132.*

⁹ Об истории данного региона в IX в. см. подробно: *Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). Zagreb, 2011. S. 147–199.*

¹⁰ Подробнее об этой проблеме см.: *Alimov D. On the problem of the post-Avar «ethnogenesis»: The 9th century polities of Banat, Crişana, and Transylvania in comparative-historical context // TR. 2012. Vol. XXI. No. 3. P. 83–91; No. 4. P. 77–96.*

на всю Моравию, полагая, что Святополк до своего ареста был властителем всей Моравской державы, автор доказывает, что восстание происходило именно в Нитре, а Святополк остался нитранским правителем и после пленения франками его дяди Ростислава. В пользу такой интерпретации, по мнению исследователя, говорит не только фраза Фульдских анналов о занятии франками королевства Ростислава, но и повествование этого же источника о последующих событиях, когда Святополк, отпущенный франками в Моравию, дошел до «старого города Ростислава», после чего обратил свой меч против составлявших франкское войско баваров. Второе известие, по мнению Лысого, ясно дает понять, что вплоть до возвращения Святополка «королевство Ростислава» оставалось под франкской оккупацией, тогда как избранный восставшими Славомир правил в Нитре. Более того, цитируя сообщение источника, что мораване избрали Славомира, ошибочно думая, что «их князь» (Святополк) умер во франкском плену, исследователь подчеркивает, что в ситуации франкской оккупации называть Святополка «своим князем» могли только жители Нитранской земли. Из всего этого автор делает закономерный вывод, что элита Нитранской земли (уже) ощущала себя мораванами, поясняя при этом, что их отдельность выражалась (уже) не в этническом (гентильном), а в сугубо политическом смысле, то есть в существовании отдельного «королевства». Это последнее пояснение можно обратить против самого автора: столь быстрое и безболезненное усвоение нитранцами моравской гентильной идентичности гораздо легче объяснить изначальным отсутствием в Нитранской земле собственной «племенной» традиции, нежели ее постепенным угасанием.

Думается, что данное наблюдение не позволяет безоговорочно согласиться и с тезисом об исключительно культурном и надплеменном характере славянской идентичности, противопоставляемой словацким историком гентильной идентичности мораван. Обилие упоминаний о славянах на пост-аварском пространстве на фоне отсутствия здесь иных, «племенных», идентичностей, заставляет, как нам представляется, думать о том, что славянская воинская элита Карпатской котловины, спаянная единым социальным опытом пребывания под властью аваров и последующих войн с ними, и, как следствие, разделявшая общую антиаварскую идеологию, называя себя славянами, должна была вкладывать в это понятие не только (а возможно, и не столько) культурный, сколько политический смысл.

Тема этничности продолжается автором также в вынесенном им за пределы основного содержания книги специальном экскурсе, посвященном анализу этнических категорий в законах и официальных документах средневековой Венгрии. Хотя в данном экскурсе исследователь формально выходит за пределы моравской проблематики, этот раздел имеет важное значение для понимания автором соотношения этнического и политического, демонстрируя значимые для исследования Лысого константы средневекового восприятия этничности. Так, первая категория, на которую обращает внимание исследователь, — это «народ венгров», который в анализируемых источниках выступает в двух ипостасях — как «gens» и как «*populus*». Как показывает автор, восприятие политического народа (*populus*), отраженное в «Трипартитуме» Иштвана Вербёци, практически совпадает с

классическим определением Исидора Севильского. Анализируя далее внутреннюю этнополитическую структуру Венгерского королевства в том виде, в каком она предстает в источниках, исследователь в итоге получает картину, которая, с одной стороны, отражает контекстуальный характер этнических категорий (например, дискурс единого происхождения «народа венгров» от завоевателей Арпада при ясном понимании его наличной этнической неоднородности), а с другой — позволяет говорить о довольно четкой привязке этнического дискурса к сословной структуре, когда под «народом венгров» понимается определенный социальный слой (нобилитет). Едва ли могут быть сомнения в том, что подобная «операционная система» не была исключительной спецификой средневекового Венгерского королевства.

2. «Государство»

Представив свою интерпретацию этнополитической структуры Моравии, автор в разделе «Великоморавское государство» обращается к многотрудному вопросу о характере моравского социально-политического устройства. Разговор начинается с обзора латинских терминов, использовавшихся для обозначения моравской политики в раннесредневековых источниках. Центральным из них был, конечно же, термин «*regnum*», который, как следует из осуществленного автором обзора его использования, использовался сугубо в территориальном смысле (то есть в значении «страна, политический организм»), а отнюдь не для характеристики формы правления. Далее исследователь тщательно анализирует понятия, применявшиеся для обозначения Моравии в историографии, отдельно останавливаясь на традиции использования термина «государство» и спорах о становлении государственности у германцев и славян.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют рассуждения исследователя, посвященные историографическим концепциям, появившимся после 1989 г., в особенности концепции генезиса государственности в Центральной Европе, разрабатывавшейся Тржештиком. Лысый справедливо рассматривает эту концепцию не как очередное определение сущности государства, а как целостную картину социальной эволюции славян от «племенного» общества к государству, важнейшей чертой которой является представление о кардинальном, фактически революционном, сдвиге в социальном развитии, когда правитель, приняв на себя функции племени, вводит новую религию (христианство), разрушая тем самым базовую скрепу и источник самого существования племени. По мнению Лысого, эта схема Тржештика, ставшая весьма влиятельной в историографии, вступает в противоречие с социально-политическим устройством Моравии, которое, с точки зрения исследователя, следовало бы рассматривать скорее не как монархическое, а как олигархическое. С этого смелого заявления исследователь начинает постепенную ревизию представления о существовании в Моравии так называемого «патримониального государства». Отдавая дань восходящей к Отто Бруннеру традиции концептуализировать персональный характер средневековых форм господства, противостоящих как римскому наследию, так и публично-правовым

институтам современной государственности, автор ссылается на уже звучавшую в чешской медиевистике критику характерного для сторонников концепции так называемой «среднеевропейской модели государственности» представления о воздействии на Моравию через франкское посредство будто бы сохранявшейся на Западе со времен доминанты позднеантичной матрицы. Обращаясь далее к материалам источников, имеющим отношение к политической сфере Моравии, автор показывает, что вплоть до эпохи правления Святополка (871–894 гг.) в качестве важного актора на политической сцене выступала сама *gens*, то есть мораване, которые, таким образом, были не подданными, а скорее политическими партнерами князя. Особое же внимание уделяет автор отрывочным свидетельствам источников о наличии в Моравии неких меньших по статусу князей, которые, по его мнению, никак не могли быть вождями завоеванных Святополком после 874 г. племен¹¹, так как упоминаются в источниках еще до начала этих завоеваний.

Наличие в Моравии нескольких или даже множества князей, притом, что сам термин «князь», по утверждению лингвистов, мог появиться в праславянском языке еще в готский период, является для Лысого доказательством того, что социально-политическое устройство Моравии не отличалось принципиально от того, что наблюдалось в других славянских политических образованиях, таких, например, как княжества чехов, сорбов, ободритов или вильцев. Скептически смотрит словацкий исследователь и на неоднократно предпринимавшиеся в историографии попытки вывести из наличной информации о родственных связях между моравскими правителями какую-либо четкую систему наследования власти (сеньорат, авункулат, примогенитура). Все такого рода конструкции обесцениваются, по мнению историка, тем обстоятельством, что большинство смен на престоле происходило при непосредственном вмешательстве франков. При этом автор особенно заостряет внимание на истории с избранием мораванами Славомира, что, по его мнению, еще раз доказывает неразрывную связь правителя и рода Моймировичей в целом с «политическим народом».

Констатируя, что письменные источники не дают оснований говорить об отрыве власти от народа, противопоставляя Моравию другим славянским княжествам, Лысый обращается к археологическим материалам, где, как оказывается, наблюдается схожая картина. Так, при всех ярких признаках выделения воинских элит, характеризующих так называемый блатницко-микульчицкий горизонт, и, несмотря на появление градов, сигнализирующее усиление потестарной организации, затруднительно говорить не только о складывании в Моравии больших доменов, но и о наличии какого бы то ни было государственноподобного аппарата управления. Автор заключает: «Поэтому, как кажется, здесь было типичное соединение этноса, племени мораван, со своим княжеским слоем, который собственно являлся политическим выражением этого этноса» (с. 139).

¹¹ В данном пункте автор сходится с позицией Штайнхюбеля, который всячески подчеркивает в своих работах наличие в Моравии, наряду с главным князем, так называемых «малых князей»: Steinhubel J. 1) Nitrianske kniežatstvo... S. 127–129, 142–143; 2) Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004. Kraków, 2011. S. 56; 3) Velká Morava na polceste od kmeňa ku štátu // Forum Historiae. 2014. Roč. 8. Č. 2. S. 75–77.

Эта принципиальная неотделимость правителя от «политического народа» свидетельствует, по мнению Лысого, против распространенного в историографии представления о патримониальном государстве. Еще одно обстоятельство, несовместимое, по мнению исследователя, с представлением о правителе, распоряжающимся своим государством как вотчиной, заключается в повсеместном распространении в раннем Средневековье частной собственности на землю. Это соображение приводит автора к мнению, что представление о патримониальном государстве неверно не только применительно к Моравии, но и относительно многих других государств, в том числе раннесредневековой Чехии. Впрочем, замечает автор, патримониальная концепция с оговорками могла бы быть принята, если бы моравские правители, действительно, относились к своему государству как к собственности, например, подобно Каролингам, выделяя из нее апанажи своим сыновьям. Ничего подобного, по мнению Лысого, в Моравии не наблюдалось — автор четко отделяет практику выделения апанажей от придания особого статуса Нитранскому княжеству.

Итак, патримониальная концепция как таковая, по Лысому, совершенно несостоятельна. Но почему тогда исследователи на протяжении нескольких поколений испытывали к ней стойкую приверженность? Одной из причин автор считает удобство данной концепции для объяснения генезиса феодальной системы. Иными словами, если правитель стал предоставлять своим вассалам лены, то, стало быть, он мог свободно распоряжаться соответствующим земельным фондом. Это рассуждение, по мнению автора, приводит нас к неразрешимой дилемме. А именно, «патримониальное государство, которым его правитель прямо владеет, не может являться публично-правовым институтом. Это ставит вопрос, можем ли мы тогда говорить о государстве». Окончательно расценив патримониальное государство как модерный конструкт, возникший как реакция на публично-правовую модель государственной власти, Лысый далее подвергает ревизии и представление о большом могуществе моравских (а вслед за ними также чешских и польских) правителей, побуждавшее исследователей говорить о складывании в этом регионе Европы своего рода государств-вотчин. Так как могущество это, по мнению Лысого, было сильно преувеличено, то и вышеупомянутый тезис Тржештика о введении христианства как революции сверху кажется автору совершенно несостоятельным. Племя, замечает историк, хоть и было связано с язычеством, но отнюдь не было ему тождественно, а принятие христианства было невозможно без воли племени. Поэтому-то и крещение «всех мораван» в 831 г. следует воспринимать «не как революцию сверху, а как необходимый компромисс» (с. 145).

Соглашаясь с тем, что принятие христианства могло существенно усилить правителей, которые все меньше и меньше связывали себя с архаическими нормами, постепенно прокладывая дорогу к монархии, автор, тем не менее, особо подчеркивает, что за возникновением моравского государства стояли не один только князь и связанная с ним высшая знать, а племя целиком, понимаемое исследователем как «сообщество широких элит». Власть, которую осуществляло племя, представляло волю страны, и ее не мог игнорировать даже могущественный Святополк.

Более того, даже само усиление Моймировичей, с точки зрения политических элит Моравии, было необходимым шагом перед лицом натиска Каролингов.

Рассуждениям Лысого трудно отказать в убедительности. Его отрицание патримониального государства в Моравии в принципе не противоречит и другим моделям функционирования моравского политического организма, предложенным в последнее время в историографии, например, «циклическому вожеству» Йиржи Махачека¹² или «военно-торговой модели» Иво Штефана¹³, не говоря уже о том, что в концепции центральноевропейской модели государственности, как показывают ее критики, можно обнаружить не всегда правильную интерпретацию археологического материала и не всегда адекватные представления о роли античного наследия в империи Каролингов. И все же есть одно «но». Рассуждая о патримониализме, автор практически игнорирует антропологический подход к проблеме. Достаточно сказать, что на протяжении всей главы слово «вожество» не упомянуто ни разу, как не встречается в тексте и другой конкретный термин из области политической антропологии — «раннее государство». На это можно было бы и не обращать внимания — автор волен выбирать свой язык описания социальных явлений, — но проблема в том, что именно при изучении данного вопроса характерная для автора манера придерживаться аутентичной средневековой терминологии и стоящего за ней социального опыта постримской Европы обнаруживает свою ограниченность, значительно сужая перспективу рассматриваемого явления. Между тем, классический неозолуционизм и выросшие из него многолинейные концепции социальной эволюции, успешно развивающиеся в современной политической антропологии, позволяют, как кажется, несколько иначе взглянуть на противоречие между гентильным социумом и патримониальным государством.

В антропологической литературе было давно замечено, что в архаических социумах, где у власти находится военная элита, рано или поздно возникает система, при которой правитель получает возможность распоряжаться землей и людьми. Российский синолог Л. С. Васильев в своей билинейной концепции социальной эволюции назвал этот феномен термином «власть-собственность», показав, что существование частной собственности отнюдь не противоречит общему направлению развития государственности на базе «власти-собственности»¹⁴. Судя по имеющемуся у антропологов опыту типологизации политогенетических про-

¹² Macháček J. 1) The rise of medieval towns and states in East Central Europe: Early medieval centres as social and economic systems. Leiden; Boston, 2010. P. 506–518; 2) «Great Moravian state» — a controversy in Central European medieval studies // SSBP. 2012. № 1 (11). С. 5–26.

¹³ Štefan I. Great Moravia, statehood and archaeology. The «decline and fall» of one early medieval polity // Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt-Stiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik / Hrsg. von J. Macháček und Š. Ungerman. Bonn, 2011. S. 333–354. О соответствии предложенной Штефаном модели функционирования моравской политики тому, что в антропологической литературе получило название «африканского способа производства», см.: Алимов Д. Е. «Африканский способ производства» в Великой Моравии? (Заметки на полях статьи Иво Штефана) // SSBP. 2012. № 1 (11). С. 183–196.

¹⁴ См.: Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев. М., 1982. С. 60–99.

цессов, не только львиная доля азиатских социумов, начиная с древнего Китая, но и большинство обществ Европы раннего Средневековья, особенно там, где не было мощного античного наследия, развивались именно по этому пути. Едва ли Моравия была здесь исключением. Думается, что именно в этом выявленном антропологами общем свойстве архаичных потестарных организмов следует искать корни того сходства, которое демонстрируют между собой ранние государства Центральной Европы. Поэтому вопрос, как нам кажется, заключается не столько в несостоятельности самой концепции патримониального государства, фокусировавшей внимание на феномене, который Васильев назвал «властью-собственностью», а в степени развития присущих этому универсальному феномену признаков.

Третья глава книги, носящая название «*Gens, regnum et imperium*» посвящена теме, которую за неимением более адекватного определения можно было бы обозначить как «международный статус» Моравского княжества, который в те времена определялся, естественно, характером его отношений с империей Каролингов. Вопрос о том, были ли славянские «*gentes*» Центральной Европы — ободриты, вильцы, чехи, мораване, хорваты — частью империи Каролингов или нет, принадлежит к числу довольно запутанных проблем средневековья, причем на изучении его нередко сказывалось распространенное некогда представление об антагонизме и геополитическом противостоянии славянского и германского миров. Справедливым и ожидаемым выглядит на этом фоне предостережение о неприемлемости разного рода презентистских интерпретаций в духе «истории международных отношений», с которого автор начинает свой разговор об отношениях Моравии и империи. Для начала автор дает нам панораму франкской экспансии на востоке, отмечая в качестве основного отличия франкского имперского строительства от соответствующей римской практики инкорпорацию в «тело империи» автохтонных властных структур, что, как поясняет автор, было логичным следствием отсутствия у франков бюрократического аппарата, хотя бы отдаленно сопоставимого с римским. Обозревая сведения франкских источников, исследователь показывает, что, с одной стороны, франки рассматривали Моравию и земли ряда других славянских «*gentes*» как часть империи, а именно — ее «отдаленные пределы» (*extremos fines*), однако, с другой стороны, проводя четкую разницу между ними и, например, такими «внутренними» землями, как Бавария, могли воспринимать славянские племена и в качестве соседей империи.

В следующих разделах главы автор переходит к рассмотрению конкретных казусов, каждый из которых исследуется им на основании, главным образом, анализа используемой в источниках при их описании терминологии. Так, особый параграф посвящен выяснению того, что скрывалось за выражением «*defectioe molientes*», использованным по отношению к мораванам в «Фульдских анналах» в качестве определения причины вторжения в Моравию Людовика Немецкого в 846 г. Рассмотрев все те случаи, когда в «Фульдских анналах» использовалось данное выражение, автор рассматривает его как свидетельство зависимого статуса Моравии, выразившегося в наличии неких обязательств моравского правителя

перед империей. Но когда установились такие отношения? Исследователь не разделяет распространенного в историографии мнения, что данническая зависимость Моравии от франков установилась еще в 822 г., когда, по свидетельству источника, послы мораван прибыли с дарами ко двору императора Людовика Благочестивого. Справедливо ссылаясь на то, что принесение даров само по себе не может являться показателем даннических отношений, автор считает событием, положившим начало зависимости Моравии от франков, крещение мораван в 831 г. пассауским епископом Регинхаром. Не возражая против самой возможности такой интерпретации, стоит все же отметить, что подобное решение имеет, пожалуй, столько же оснований, что и традиционное мнение, увязывающее установление трибутарной зависимости с посольством 822 г. Иными словами, мы не можем быть уверенными ни в том, что Моравия признала (или признавала) свою зависимость от империи еще в 822 г., ни в том, что она не признавала ее вплоть до 831 г.

Следующий параграф посвящен проблеме верности (*fidelitas*) моравского правителя по отношению к франкскому королю. Ссылаясь на утвердившееся в медиевистике четкое различие верности и ленной зависимости, исследователь подчеркивает, что ни один из моравских правителей (за исключением оказавшегося в Паннонии нитранского беженца Прибины) не вступал с империей в ленные отношения. Иное дело — «верность» (*fidelitas*), категория, весьма распространенная во взаимоотношениях Каролингов с правителями зависимых от них политических образований. Как подчеркивает автор, принесение моравским правителем присяги верности хотя и было важным событием для всей Моравии, все же означало признание определенных обязательств по отношению к франкскому королю со стороны самого моравского правителя, то есть имело подчеркнуто личный характер. Так, исследователь подробно останавливается на обстоятельствах экспедиции, предпринятой в 864 г. против Ростислава Людовиком Немецким, в результате которой моравский правитель поклялся хранить верность королю, а также на событиях франкской интервенции 870 г., в ходе которой Ростислав, попав в плен к франкам, был обвинен в нарушении договора. Особенно интересной представляется в данном контексте трактовка исследователем знаменитого Форххаймского соглашения 874 г., в результате которого Святополк признал свою зависимость от восточнофранкского короля, а Моравия стала выплачивать франкам регулярную дань. Как убедительно показал исследователь, то, что данное событие, означавшее повторное втягивание восставшей против франков Моравии в зависимость от Каролингов, одновременно ознаменовало начало широкомасштабной экспансии мораван в земли славянских племен (чтобы компенсировать выплачиваемую франкам дань) и, в конечном счете, привело к формированию невиданной доселе славянской империи, не уступавшей по размерам Восточнофранкскому королевству, является лишь кажущимся парадоксом. Если последовательно избавить свой взгляд на события от дискурса «международных отношений» и тем более совершенно чуждых рассматриваемой эпохе представлений о государственном суверенитете и равноправии, то решение прагматичного Святополка склонить голову

перед королем кажется совершенно логичным, а рождение могучей славянской державы под носом у Каролингов — его естественным следствием.

В следующем разделе под названием «Новая легитимация» автор анализирует постепенное сближение Моравии с Римским престолом, кульминацией которого становится именование Святополка единственным сыном (*unicus filius*) в булле папы Иоанна VIII «*Industriae tuae*» (880 г.). Инициативу в сближении с Римом автор приписывает Ростиславу, полагая, что прибытие в Моравию в 863 г. Кирилла и Мефодия с целью укрепления позиций христианства в стране было необходимо моравскому правителю для получения в будущем положительного решения Рима относительно создания в Моравии своего епископства. Вслед за некоторыми исследователями Лысый полагает, что мораване вдохновлялись примером других франкских вассалов — хорватов, однако, как нам кажется, недостаточно учитывает то обстоятельство, что создание в Хорватии Нинского епископства было, скорее всего, результатом самодеятельности местного клира, нежели результатом целенаправленной политики хорватского правителя. Так или иначе, но беспрецедентное сближение Моравии и Рима при Святополке — это блестящий результат политики, начатой еще Ростиславом с целью избавления от обременительной для мораван франкской опеки, и Лысый показывает это весьма убедительно.

Что же побудило Римский престол с таким вниманием отнестись к нуждам славян? Давая свой собственный ответ на этот, имеющий богатую историографию, но по-прежнему волнующий исследователей вопрос¹⁵, автор проводит любопытную параллель между наблюдавшимся в VIII в. стремлением папства опереться на франков, закончившимся в конечном итоге коронацией Карла Великого, и ситуацией 860–880-х гг., которая, по его мнению, была также связана со стремлением Римского престола укрепить свое положение, на сей раз в условиях натиска арабов. При этом папе приходилось опираться уже не только на слабевших Каролингов, но и на стремительно усиливавшийся славянский мир. Вместе с тем, автор скептически настроен к встречающемуся в чешской и словацкой историографии мнению, что уже само обозначение Святополка «единственным сыном» (*unicus filius*) должно рассматриваться как свидетельство того, что папа прочил моравского правителя на роль нового римского императора. Во-первых, как показывает Лысый, выражение «единственный сын», хотя и редко использовалось в папских посланиях, все же не было исключительной прерогативой кандидатов в императоры, а во-вторых, Святополк находился слишком далеко от Средиземного моря, чтобы реально защитить южную Европу от арабов, получив взамен императорскую корону. Впрочем, статус Святополка в 880 г. и без того был весьма высок: в представлении Римского престола он не просто был вполне самостоятельным правителем, но и стоял вровень с Каролингами. Именно это обстоятельство словацкий

¹⁵ Из последних работ, непосредственно посвященных анализу папского «проекта», отметим вышедшую в тот же год, что и рецензируемая книга, монографию итальянской исследовательницы Мадалены Бетти, реакция на которую, как мы надеемся, не заставит себя долго ждать: *Betti M. The making of Christian Moravia (858–882): Papal power and political reality. Leiden; Boston, 2014.*

историк и называет «новой легитимацией». Впрочем, при всей его важности, признание высокого статуса Святополка со стороны Рима не могло заменить собою легитимации со стороны империи. Этот вывод вытекает из следующего раздела третьей главы, где автор рассматривает присягу, принесенную Святополком в 884 г. императору Карлу III Толстому. Исследователь подвергает критике концепцию Любомира Гавлика, согласно которой соглашение 884 г. являлось, по сути, межгосударственным договором, отличаясь от Форххаймского мира тем, что на сей раз моравский правитель имел дело не просто с франкским королем, а с самим «цесарем августом» — римским императором. Как раз напротив, словацкий исследователь считает присягу, принесенную Святополком в 884 г., аналогом Форххаймского соглашения 874 г., подчеркивая ее личный характер и потому считая неуместными те ее интерпретации, которые обусловлены дискурсом межгосударственных отношений.

Тема международного статуса Моравии естественным образом предполагает и обращение к проблеме титулатуры правителя. Очевидно, принимая во внимание частный характер данного вопроса, автор предпочел вынести его обсуждение в отдельный экскурс в конце книги. Такое решение представляется тем более справедливым, что в последнее время в словацкой историографии разгорелась активная дискуссия по поводу титулов моравских правителей, особенно Святополка, которая требовала от автора обстоятельного комментария. Поводом для дискуссии послужила установка в 2010 г. в Братиславском граде, в разгар предвыборной кампании в парламент республики, внушительного конного памятника Святополку, на постаменте которого, помимо указания имени и годов правления, некоторое время красовалась надпись «король древних словаков». И хотя надпись, очевидно, из соображений «политической корректности» была вскоре убрана, сама по себе проблема королевского титула Святополка остается весьма животрепещущей.

Лысый дает нам емкий, но в то же время весьма содержательный критический обзор аргументов сторонников (Л. Гавлик, М. Кучера, М. Хомза) и противников (Я. Штайнхюбель) именованья Святополка королем, приходя к выводу, что, несмотря на использование применительно к данному правителю в ряде источников понятия «*rex*», Святополка все же правильнее называть князем. Отвергая как недостоверное известное свидетельство Регинаона Прюмского о возведении Святополка в королевское достоинство, Лысый сосредоточивает основное внимание на критике таких внешне безупречных по своей логике аргументов, приводимых в обоснование королевского статуса Святополка, как обозначение области, которой правил Святополк, латинским термином «*regnum*» и происхождение славянского термина «князь» от того же самого германского слова, которое стало обозначением правителя у германцев и которое современные исследователи «ничтоже сумняшеся» переводят словом «король». Полемизируя с данными суждениями, словацкий историк подчеркивает, что термином «король», произведенным от имени Карла Великого, славяне именовали только франкского правителя, тогда как латинский титул «*rex*» переводился в старославянских текстах как «цесарь». Что же касается термина «*regnum*», то несмотря на его ясную этимологию, к эпохе

раннего Средневековья оно давно утратило свое первоначальное, «древнеримское», значение, предполагавшее его прочную семантическую связь со словом «*rex*», вследствие чего распространенный в медиевистике перевод «страна» следует признать совершенно адекватным. Наконец, сам факт коронации властителей Польши и Чехии в XI столетии, как замечает исследователь, показывает, что до этого королями славянские правители себя не считали. С соображениями автора едва ли можно спорить, и все же хотелось бы заметить, что на фоне именовании в историографии королями не только разнообразных кельтских и германских, но даже африканских вождей, отказывать себе в праве именовать таким образом славянских правителей кажется довольно странным. Думается, что в отсутствии в переводах латинских текстов, пестрящих терминами «*rex*» и «*regnum*», славянских «королевств» и «королей» повинна, в первую очередь, не специфика властных отношений в раннем славянском обществе и даже не аутентичная славянская терминология, а историографическая инерция.

В заключение книги автор еще раз подчеркивает, что в Моравии так и не дошло до пресловутого «отделения власти от общества», вследствие чего здесь особенно сильно ощущалась связь между тем, что обозначалось термином «племя» (*gens*) и тем, что именовалось «королевством, страной», то есть политическим организмом (*regnum*). Нам же остается заключить, что книга словацкого историка как глубокое, интересное и весьма содержательное, особенно в методологическом плане, исследование — это не просто очередная попытка «понять Моравию», но и важный шаг на этом пути. Сколько еще предстоит пройти, прежде чем Великая Моравия станет для историков настолько близкой, что картины ее прошлого в работах разных авторов уже не будут столь радикально отличаться друг от друга, как это имеет место сегодня, — остается неизвестным, но судя по вопросам, раскрытым, поднятым или просто по-новому сформулированным в книге Мирослава Лысого, путешествие обещает быть очень увлекательным.

Данные о статье

Автор: Алимов, Денис Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, aljimov@mail.ru

Заголовок: «Понять Моравию»: Новая попытка. [Рец.:] Lysý, Miroslav. Moravia, Mojmirovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku. Bratislava: Atticum, 2014. 374 s.

Резюме: Статья представляет собой рецензию книги словацкого историка Мирослава Лысого «Мораване, Моймировичи и Франкская империя. Исследование этногенеза, политических институтов и устройства управления на территории Словакии в раннее Средневековье» (Братислава, 2014), в которой рассматриваются проблемы раннесредневековой этничности, политогенеза и взаимоотношений Моравии и империи Каролингов. Автор рецензии отмечает, что подход к теме характеризуется, прежде всего, повышенным вниманием к аутентичной терминологии источников, а также глубоким проникновением в суть предшествующих историографических попыток исследования социального развития Моравии с максимальным учетом их внутренней логики, мировоззренческого фона и общественно-политических импликаций. Автор рецензии считает исследование Лысого важным шагом на пути к «пониманию Моравии».

Ключевые слова: Великая Моравия, Нитранское княжество, славянские племена, gens, regnum, Каролинги

Литература, использованная в статье

- Алимов, Денис Евгеньевич. «Африканский способ производства» в Великой Моравии? (Заметки на полях статьи Иво Штефана) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1 (11). С. 183–196.
- Васильев, Леонид Сергеевич. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев. Москва: Наука, 1982. С. 60–99.
- Польвянный, Дмитрий Игоревич. Славяне и болгары в восточноримском имперском пространстве: проблемы различия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 59–63.
- Alimov, Denis. On the problem of the post-Avar «ethnogenesis»: The 9th century politics of Banat, Crişana, and Transylvania in comparative-historical context // *Transylvanian Review*. 2012. Vol. XXI. No. 3. P. 83–91; No. 4. P. 77–96.
- Curta, Florin. The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.
- Betti, Maddalena. The making of Christian Moravia (858–882): Papal power and political reality. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2014. 251 p.
- Gračanin, Hrvoje. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). Zagreb: Plejada, 2011. 455 s.
- Homza, Martin. Niekoľko téz k počiatkom slovenského etnika // *Studia Academica Slovaca*. 2002. Vol. 31. S. 285–295.
- Lysý, Miroslav. Moravia, Mojmírovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku. Bratislava: Atticum, 2014. 374 s.
- Macháček, Jiří. The rise of medieval towns and states in East Central Europe: Early medieval centres as social and economic systems. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2010. 562 p.
- Macháček, Jiří. «Great Moravian state» — a controversy in Central European medieval studies // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1 (11). С. 5–26.
- Steinhübel, Jan. Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášeho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV: Vydavateľstvo Rak, 2004. 575 s.
- Steinhübel, Jan. Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004. Kraków: Spolek Slovákov v Poľsku — Towarzystwo Słowaków w Polsce, 2012. 204 s.
- Steinhübel, Jan. Velká Morava na polceste od kmeňa ku štátu // *Forum Historiae*. 2014. Roč. 8. Č. 2. S. 71–97.
- Štefan, Ivo. Great Moravia, statehood and archaeology. The «decline and fall» of one early medieval polity // Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt-Stiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik / Hrsg. Von Jiří Macháček und Šimon Ungerman. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2011 (Studien zur Archäologie Europas; Band 14). S. 333–354.
- Trěštlík, Dušan. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2001. 384 s.
- Wenskus, Reinhard. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 s.

Information about the article

Author: Alimov, Denis Evgenievich — Ph. D. in History, Associate Professor of the Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, aljimov@mail.ru

Title: «Understanding Moravia»: A new attempt. [Rec.:] Lysý, Miroslav. Moravia, Mojmírovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku. Bratislava: Atticum, 2014. 374 p.

Summary: The article is a review of the book by Slovak historian Miroslav Lysý «Moravians, Moimir Dynasty, and Frankish Empire. Studies on Ethnogenesis, Political Institutions, and Power System in the territory of Slovakia in the early Middle Ages» (Bratislava 2014), which addresses the problems of early medieval ethnicity, politico-genesis, and political relations between Moravia and the Carolingian Empire. The reviewer notes that Lysý's approach to the subject is characterized, above all, by increased attention to the authentic terminology of sources, as well as by deep insight into previous historiographical attempts of studying Moravian social development with taking into account their internal logic, philosophical background and socio-political implications. The author of the review considered Lysý's book to be an important step towards «understanding Moravia».

Keywords: Great Moravia, Nitra principality, Slavic tribes, gens, regnum, Carolingians

References

Alimov, Denis Evgen'evich. «Африканский способ производства» в Великой Моравии? (Заметки на полях статьи Иво Штефана) [«The African mode of production» in Great Moravia? Marginal notes on Ivo Štefan's article], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1 (11). P. 183–196 (in Russian).

Alimov, Denis. On the problem of the post-Avar «ethnogenesis»: The 9th century polities of Banat, Crișana, and Transylvania in comparative-historical context, in *Transylvanian Review*. 2012. Vol. XXI. No. 3. P. 83–91; No. 4. P. 77–96.

Betti, Maddalena. *The making of Christian Moravia (858–882): Papal power and political reality*. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2014. 251 p.

Curta, Florin. *The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.

Gračanin, Hrvoje. *Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća)* [Southern Pannonia in the Late Antiquity and early Middle Ages (from the 4th to late 11th century)]. Zagreb: Plejada, 2011. 455 p. (in Croatian).

Homza, Martin. Niekoľko téz k počiatkom slovenského etnika [Several theses on the origins of the Slovak ethnoses], in *Studia Academica Slovaca*. 2002. Vol. 31. P. 285–295 (in Slovak).

Lysý, Miroslav. *Moravania, Mojmirovci a Franská ríša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo časnom stredoveku [Moravians, Moimir dynasty, and the Frankish empire. Studies on ethnogenesis, political institutions, and power system in the territory of Slovakia in the early Middle Ages]*. Bratislava: Atticum, 2014. 374 p. (in Slovak).

Macháček, Jiří. *The rise of medieval towns and states in East Central Europe: early medieval centres as social and economic systems*. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2010. 562 p.

Macháček, Jiří. «Great Moravian state» — a controversy in Central European medieval studies, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1 (11). P. 5–26.

Polyvyannyj, Dmitriy Igorevich. Slavyane i bolgary v vostochnorimskom imperskom prostranstve: problemy razlicheniya [Slavs and Bulgars in the imperial space of Eastern Rome: problems of distinction], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 59–63 (in Russian).

Steinhübel, Jan. *Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášeho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia [The Nitra principality. The origin of medieval Slovakia. The study of the history of our land and neighboring countries from the Migration Age till the early 12th century]*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV; Vydavateľstvo Rak, 2004. 575 p. (in Slovak).

Steinhübel, Jan. *Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004 [Chapters of Czech early history. 531–1004]*. Kraków: Spolek Slovákov v Poľsku — Towarzystwo Słowaków w Polsce, 2012. 204 p.

Steinhübel, Ján. Veľká Morava na polceste od kmeňa ku štátu [Great Moravia on a half-way from a tribe to a state], in *Forum Historiae*. 2014. Vol. 8. No. 2. P. 71–97.

Štefan, Ivo. Great Moravia, statehood and archaeology. The «decline and fall» of one early medieval polity, in Macháček, Jiří; Ungerman, Šimon (eds.). *Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt–Stiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik [Early medieval central places in Central Europe. International conference and lectureship of Alexander von Humboldt Foundation on occasion of the 50th anniversary of the beginning of archaeological excavations in Pohansko near Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Czech Republic]*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2011 (Studien zur Archäologie Europas; Band 14). P. 333–354.

Třeštík, Dušan. *Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871 [The emergence of Great Moravia. Moravians, Bohemians, and Central Europe in 791–871]*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2001. 384 p. (in Czech).

Vasil'ev, Leonid Sergeevich. Fenomen vlasti-sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [Phenomenon of power-property. On the problem of the typology of pre-capitalist structures], in Alayev, Leonid Borisovich (ed.). *Typy obshchestvennykh otnosheniy na Vostoke v Srednie veka [Types of social relations in the East in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka Publ., 1982. P. 60–99 (in Russian).

Wenskus, Reinhard. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes [Tribal formation and political organization. The making of early medieval gentes]*. Köln; Graz: Böhlau Verlag, 1961. 656 p. (in German).